

"Я не знаю. Мне потребуется некоторое время, чтобы понять, насколько серьезны повреждения", - сказала мадам Помфри, явно потрясенная. "Пока она стабильна, но я не могу вылечить эти ожоги без дополнительных исследований". "Как Гермiona получила эти ожоги, Джинни?" спросил Ремус. "Ты можешь нам это рассказать?" "Гермиона", - сказал Рон, его голос треснул, когда он попытался придвинуться к ней ближе. "Сядьте, молодой человек", - потребовала мадам Помфри. "Позвольте мне взглянуть на вас, прежде чем вы куда-то пойдете. Вы, - сказала она, указывая на Билла и близнецов, - начинайте трансфигурировать эту мебель в кровати и сделайте мне лазарет. Я хочу, чтобы все четверо моих пациентов находились в одном месте". "Джинни не пострадала", - сказал Билл, глядя на сестру с тем же непостижимым выражением. "Об этом буду судить я. Просто делайте, что я говорю", - огрызнулась мадам Помфри, возвращаясь к обработке ран Рона. "Джинни, кто нанес эти раны остальным?" спросил Ремус, пытаясь остановить кровотечение на ране Гарри рукавом своей мантии. "Мы не получали никаких сообщений о деятельности Пожирателей смерти сегодня ночью". "Волдеморт", - резко сказала Джинни. Раздалось несколько вздохов, и ее мать заметно вздрогнула. "Джинни!" - закричала она, как будто Джинни прокляла. "Не произноси это имя". Джинни закатила глаза. Она была уставшей и напряженной, а адреналин от ночных развлечений начал выходить. У нее не было терпения на это. "Я назову имя. Я не собираюсь лицемерить по этому поводу". "Не разговаривай так со своей матерью, Джинни", - сурово сказал ее отец. Отец так редко делал выговоры, что это мгновенно успокоило ее. "Мне очень жаль", - сказала Джинни. "Это была напряженная ночь, и я волнуюсь за них". Выражение лица ее матери немного смягчилось, хотя она все еще не сделала ни единого движения, чтобы прикоснуться к ней. Джинни пожелала, чтобы она сделала это; ей бы не помешало обняться. Гарри слегка вздрогнул и переместился на другое место. Джинни тут же повернулась к нему и смахнула волосы с его глаз. "Гарри?" - сказала она.

Она видела, как быстро двигаются его глаза под закрытыми веками, но подозревала, что он скорее спит, чем пытается проснуться. "Я залечила большинство его ожогов. Они были не такими серьезными, как у мисс Грейнджер. Тем не менее, мне нужно провести небольшое исследование, чтобы быть уверенной", - сказала мадам Помфри. Рон мирно спал на кровати, которую трансфигурировали Фред и Джордж. Джинни подозревала, что мадам Помфри дала ему сонный сквозняк. Ей хотелось бы получить его, чтобы избежать вопросов, которые, как она знала, последуют. "У меня тоже есть вопросы, на которые нужно ответить, но позвольте мне сначала заняться мистером Поттером", - сказала мадам Помфри. "Я думаю, у нас у всех много вопросов", - сказал ее отец, его взгляд буравил Джинни, заставляя ее вздрагивать. Когда мадам Помфри дошла до Гарри, она взмахнула над ним своей палочкой и отпрянула назад. "Это не ожоги", - сказала она без всякого удивления. "Нет", - ответила Джинни, тяжело сглатывая. Ей не хотелось раскрывать то, о чем она обещала молчать, но она должна была убедиться, что раны остальных обработаны. Ей хотелось, чтобы эти решения принимала не она, и она с новым уважением отнеслась к тому бремени, которое было возложено на Гарри. Неудивительно, что он часто выглядел таким нервным. Она отчаянно хотела поступить правильно, но как быть, если правильность поступка была не совсем ясна? Как она могла узнать, не говоря уже о том, чтобы принять решение? В памяти всплыли слова профессора Дамблдора, сказанные им после Третьего задания, о том, что нужно выбирать между тем, что правильно, и тем, что легко. Было бы легко просто упасть на колени и признаться во всем Ордену, переложить бремя ответственности за свои поступки на их головы. Но Гарри поступил бы иначе. Он выберет правильный путь, чего бы это ему ни стоило. Джинни тоже должна была выбрать правильный путь.